

Глава IX. «Подпольная революция»

Немногим более, чем в двухнедельный срок военных действий, уже можно было считать, что ружейные боеприпасы на арагонском фронте закончились. Но это было не всё: ружья старой модели 94 нужно было часто посылать на починку ружейным мастерам, и их то и дело приходилось оставлять из-за негодности. Артиллерия, которая также познала тяготы нехватки боеприпасов, была вынуждена экономно использовать орудия, а авиация, весьма скудная, иногда совершала боевые вылеты — единственно для того, чтобы подразнить фашистов, у которых на вооружении имелись итальянские и немецкие самолёты.

Колонна, действующая на участке «юг — Эбро» (Sur-Ebro), несколько раз предприняла попытку взять штурмом фашистскую позицию в Бельчите, но безрезультатно. Фашисты не прекращая посылали подкрепление и боеприпасы из Сарагосы и Калатаюда с целью ещё больше укрепить ключевую точку, находившуюся в зоне «юг — Эбро». А это значительно уменьшало возможности победы колонны «Ортис». В секторе Алькубиерре дела «милисьянос» обстояли не лучше: их атаки на линии коммуникаций между Уэской и Сарагосой наталкивались на упорное сопротивление повстанцев. Стойкость мятежников в обороне Алькубиерре и Бельчите объяснялась тем, что сдача этих пунктов привела бы к потере Сарагосы, так как открывала доступ революционным милициям.

Так как военные действия осуществлялись на крайних точках линии фронта, фронтальный участок Сарагосы, где находилась колонна «Дуррути», должен был непременно оказаться бездейственным или вступать лишь в мелкие бои, провоцируемые партизанскими группами колонны. Тем не менее нельзя было оголить эту линию фронта, потому что любая атака повстанцев ставила под угрозу важную зону Лос Монегрос и, что хуже всего, могла привести к разрыву контакта между милициями Уэски и Теруэля, таким образом освобождая фашистам дорогу на Лериду. Несмотря на бездействие, колонна «Дуррути» выполняла жизненно важную функцию, и для её большей эффективности затишье было использовано для укрепления стратегических точек. Вместе с тем такой штиль представлялся мукой как для бойцов, так и для самого Дуррути, и он, чтобы не зачахнуть от бездействия, решил поехать в Барселону, чтобы вместе с Центральным комитетом антифашистских милиций проанализировать более оптимальный способ выйти из паралича, который во многом объяснялся нехваткой оружия и боеприпасов.

Путешествуя по маршруту Бухаралос — Барселона, он смог прекрасно удостовериться в переменах, произошедших в людях и вещах. Водоворот первых дней борьбы, захлестнувший сограждан, уже практически не существовал. Крестьяне и рабочие направляли свой энтузиазм на изменение их жизни, создавая новый тип общественных отношений. Народ (иными словами — рабочие и крестьяне) всё ещё был вооружён. Они организовывали

проверочные пункты на въезде и выезде своих посёлков. На таких контрольных участках никаким образом не присутствовала Штурмовая или Гражданская гвардия — сами рабочие гарантировали революционный порядок.

В одной из деревень провинции Лэрида Дуррути остановил автомобиль на контрольном пункте, представился как «милисьяно», который едет с фронта в тыл, и запросил бензин для заправки. Так он хотел увидеть перемены в поведении крестьян этого села, насчитывавшего три тысячи жителей. Один из «милисьянос» на контроле указал ему, где в здании прежнего муниципалитета находился Революционный комитет, и объяснил, что там ему выдадут талон на получение бензина. Дуррути пересёк площадь посёлка. Было примерно двенадцать часов. Площадь пустовала, не считая женщин, выходящих из церкви с корзиной продуктов. Дуррути спросил у них, как пройти к Комитету, а также о том, проходила ли служба в церкви.

— Нет-нет, — ответили ему. — Священника нет. Он работает в поле с остальными мужчинами деревни. Убить его? Зачем же убивать? — сказали они. Он не опасен; даже говорит о том, чтобы жить с одной из деревенских девушек... А кроме того, — заверили его, — ему весьма по душе всё, что сейчас происходит.

— Однако, — говорит Дуррути, — церковь стоит на месте.

— Ах да, церковь. Зачем поджигать или разрушать это здание?

Люди вынесли фигуры и сожгли их на площади. Так Бога уже нет — его выгнали из этой деревни. А так как Бога уже нет, на собрании решили заменить слово «прощай»¹⁰⁷. В церкви обосновался кооператив — поскольку всё стало общим, народ обеспечивает себя через кооператив¹⁰⁸.

Когда Дуррути зашёл в здание Комитета, то встретил там одного старика. Он был давнишним учителем в этом селе, и за два месяца до революции, его заменил молодой коллега из Лэриды. В течение этих двух месяцев пожилой учитель ничего не делал, но после революции попросил назначить его, как добровольца, для исполнения административных обязанностей в Сельском комитете. Другие сельчане, члены Комитета, днём работали в поле, а вечером собирались, чтобы обсудить задачи на следующий день или срочные вопросы текущего дня. Сбор урожая нельзя было откладывать на потом. Деревенские парни ушли добровольцами на линию фронта, а пожилые сельчане работали на полях за двоих.

— Не думайте, что нам работа в тягость, — сказал Дуррути старый учитель, — потому что сейчас мы работаем на себя, для всех нас... Дуррути спросил, каким образом был избран Комитет. Простой стиль общения Дуррути придавал смелости наставнику — он принял его за одного из любознательных «милисьянос» из города, которые интересуются событиями на селе.

— Мы провели общее собрание, — рассказал учитель, — и на нём оценили способности каждого, особенно поведение до революционных событий, и назначили Комитет.

— А как же политические партии? — спросил Дуррути.

— Партии? Здесь есть старые республиканцы — такие как я — и несколько социалистов, но политические партии не играют никакой роли. На ассамблее мы приняли в расчёт способность и поведение людей и избрали самых лучших, по нашему мнению. Комитет представляет народ и должен держать ответ перед народом за выполненные задачи на пользу всего коллектива.

Однако Дуррути вновь спрашивает о партиях.

— Партии? — спрашивает учитель, удивлённый такой настойчивостью. — Для чего нам политические партии? Мы работаем, чтобы прокормить себя, и едим хлеб, чтобы работать. Политику партий не посеешь, как зерно, не соберёшь урожай оливок и не вылечишь скот. Нет-нет; наши проблемы — общие, и мы вместе должны найти решение. Политика разделяет, а наш народ хочет жить мирно, в своей общине.

— Вижу, что в этом селе все довольны. Но что же случилось с прежними хозяевами? — спрашивает Дуррути.

— Ясно, что прежние землевладельцы недовольны. Они не говорят об этом, потому что боятся, но по их лицам это видно. Некоторые из них вступили в нашу общину, другие избрали путь, как сейчас говорят, «индивидуализма». Они сохранили свои земельные участки, но обязаны сами работать на них, потому что у нас на селе уже нет эксплуатации человека человеком, и поэтому вы не найдёте наёмных работников.

— Но если землевладельцы не могут сами обрабатывать свои земли, что тогда? — спрашивает Дуррути.

— Всё просто: значит, у них излишек земли, и община заботится о необрабатываемых участках, потому что оставлять эти земли пустующими означало бы наносить ущерб коллективу¹⁰⁹.

Дуррути попрощался с учителем, и, когда подошёл к контрольному пункту, дежурные рабочие спросили его, выдали ли ему талон на заправку. Улыбаясь, ответил: «Да». Уже в машине он попрощался с ними: «Салюд!» и быстро отъехал по направлению к Барселоне.

Эпизод контроля, происшедший в этой деревне, повторился во всех посёлках, лежавших на пути; это ясно показывало, что именно вооружённые рабочие повсюду гарантировали контроль и наблюдение¹¹⁰.

В более крупных посёлках жизнь была сложнее, но глубина перемен — той же. Разница состояла в том, что Революционный комитет взял на себя роль политического представительства Центрального комитета антифашистских милиций и в его составе были представители политических партий и рабочих организаций. Но контроль со стороны первичных организаций над членами Комитета там был прямым, а не таким, как в Барселоне, где делегаты Центрального комитета антифашистских милиций контролировались комитетами политических партий или рабочих организаций, которые их и

выдвинули. Эта разница замечалась в документах этих комитетов. Бумаги Центрального комитета антифашистских милиций несли на себе печать коллектива, и поначалу, для вхождения в силу, они должны были быть заверены печатью Регионального комитета ФАИ. В документах, издаваемых в деревнях, каждая организация или партия должна была ставить свою собственную печать на документе. Каким-то образом эти Народные комитеты заменили муниципалитеты и осуществляли нечто похожее на политикоадминистративную власть, хотя и весьма ограниченную. Тем не менее ввиду того, что все структуры производства были обобществлены, настоящая экономическая власть принадлежала Рабочим комитетам на фабриках и других производственных центрах, имевших точку соприкосновения в профсоюзах, которые также видоизменились, и можно было говорить о Локальных союзах рабочих.

В Барселоне рабочий контроль был более мощным; и присутствие вооружённых рабочих у фабричных ворот означало, что средства производства находились в руках рабочих. Дуррути был глубоко поражён тем, насколько быстро вошла в русло каждодневная жизнь в Барселоне. Городской транспорт и метро работали как рабочие коллективы. В сфере транспорта экспроприация была полной. Рабочие комитеты трамвайной, автобусной сферы и отрасли метрополитена, избранные на широких собраниях, являлись ясным доказательством существования коллективной собственности. В таком же режиме находились отрасли морского и грузового транспорта. Уже не существовали железнодорожные компании — ими управляли железнодорожники, члены НКТ и ВСТ. Подобным образом коллективизм затронул производства текстильной отрасли, металлургии, продуктов питания, электрохимии, газовых услуг, электроснабжения, нефти, бензина и нефтепродуктов, деревообрабатывающей промышленности, кино, театров и т.д.

Перемены характера собственности отразились на людях, изменяя общественные отношения и в большинстве случаев разрушая давние различия между мужчинами и женщинами, а также затрагивали традиции буржуазного представления о семье. Революция, подобно вулкану, порождала путём конфликтных взрывов вещества, которые приобретали новые формы под давлением энергий, выплеснувшихся на волю в процессе революции. Когда Дуррути сказал Ван Пассену, что нарождался новый мир, то он не ошибался в своей оценке: новые события представляли из себя глубокую революцию.

Лидеры от парламентарного социализма и особенно сталинисты никоим образом не влияли на процесс, начатый революцией. И в своём стремлении задушить его посвятили себя фальсификации, пытаясь в заявлениях для зарубежной прессы представить имевший место процесс как нечто ограниченное и аномальное, и, в общем, преобладала энергичная поддержка Республиканского правительства со стороны народа. Именно так в августе в интервью корреспонденту *La Dépeche* Тулузы, высказался Хесус Эрнандес, член Центрального комитета Коммунистической партии Испании. Но надо было быть слепым, чтобы не замечать огромных перемен в обществе и людях. Дуррути видел всё это. Перед визитом Комитетов НКТ-ФАИ он посетил рабочие центры для оценки их повседневной деятельности.

И где бы он ни появился — на текстильных фабриках или металлургических заводах, службах транспорта или больницах, — повсюду рабочие источали революционный

энтузиазм, который был способен решить неразрешимое. На этот раз революция была подлинной.

Наконец, после посещения промышленных центров и профсоюзных организаций, Дуррути направился в «Дом НКТ-ФАИ». И на входе, как и на фабриках, удостоверился в существовании рабочего контроля, вооружённого винтовками и пулемётом, дуло которого показывалось в отверстии мешков с землёй, служивших преградой на входе в штаб Комитетов НКТ и ФАИ. Зайдя в вестибюль, увидел плакат с надписью: «Товарищ, будь краток: революция совершается не словами, а делами»¹¹¹.

Вверх и вниз двигались лифты, перевозя посетителей, ожидавших в вестибюле, чтобы добраться до многочисленных кабинетов, где должны были решиться их проблемы. Другие в нетерпении большими шагами поднимались по широким мраморным лестницам. Дуррути почувствовал себя непривычно, хотя и как у себя дома. Казалось, «Дом НКТ-ФАИ» был жизненным нервным центром Барселоны и Каталонии. В толпе людей он прошёл незамеченным, и это порадовало его, так как ему не пришлось столкнуться ни с одним из его знакомых. Всего несколько дней назад вся Барселона приветствовала его, как будто бы люди были знакомы с Дуррути всю жизнь, а спустя какое-то короткое время его никто не узнавал...

Когда он зашёл к Мариано Р. Васкесу, то сказал ему:

— Тебя не страшит весь этот механизм? Поглотит нас бюрократия? Марианет не смог сразу дать ответ.

— Неожиданно НКТ стала необходимой для разрешения проблем местной и региональной жизни. Центры производства находятся под контролем рабочих, и профсоюзам нужно анализировать проблемы, возникающие в процессе коллективного управления. В результате стало необходимо создать эту структуру, которая родилась сама по себе и укрепилась по причине потребностей. В действительности, — признал Марианет, — весь этот аппарат, который ты видишь, не подчиняется какому-либо центру. Каждую организацию контролирует её профсоюз. Товарищи, которые обслуживают посетителей, продолжают работать на своих фабриках, и на собраниях их деятельность подвергается контролю. До сих пор не утерян контроль над членами профсоюзов.

Из этого разговора с Марианетом Дуррути понял, что секретарь НКТ Каталонии осознавал опасность, которой подвергалась революция. И это убеждение укрепилось, когда Марианет в заключение сказал ему:

— Революция поставила анархизм перед испытанием. Годами мы предвещали революцию, а теперь, когда она настала, мы не можем избежать ответственности направлять её. Мы надеемся, что наша природа анархистов сможет преодолеть личную деградацию. Теперь как никогда, обстановка требует, чтобы первичные слои организации контролировали руководителей, то есть нас, даже если они и не хотят делать этого. Единственным способом избежать замены низов комитетами является энергичный контроль активистов, волей революции поставленных на руководящие посты...¹¹²

Расставшись с Марианетом, Дуррути пришёл к выводу, что до сих пор победа не вскружила головы активистам, которые внезапно превратились в главную ось новой ситуации. Размышление Марианета было тому примером. Но были ли у Дуррути причины чувствовать себя оптимистом? Анархисты, стоящие у власти, не могут считать себя в безопасности от искушений такого положения. Они — люди и, независимо от личности каждого, также могут попасть в западню и запутаться в сетях, расставляемых властью. Конечно, Марианет был прав: теперь как никогда низы должны были контролировать руководителей, но Марианет и сам Дуррути не знали, или не задумывались о том, что первый шаг к пропасти был сделан 19 и 20 июля, когда группа активистов заменила первичные организации и приняла за них решение. С того самого момента, в силу немедленного действия рабочего класса, между низами и руководителями произошёл развод: народ хотел развивать революцию, но верхи, намереваясь контролировать, ограничивали её. Эта борьба была едва ощутимой, но она существовала. Разница между Дуррути и Марианетом состояла в том, что первый жил в постоянном контакте с низами, в то время как второй был отчуждён от них. Некто, посетитель колонны с намерением запутать одного из «милисьянос», «сказал тому, что люди подчинялись Дуррути, потому что он был командиром; однако его собеседник возразил: “ему не подчинялись как командиру, а потому, что он отвечал за руководство колонны, но когда он перестанет исполнять волю членов колонны, его снимут с этого поста”»¹¹³. Наверняка в те моменты Дуррути не смог оценить эту сложную ситуацию, хотя не пройдёт много времени, когда он осознает её.

Выйдя из «Дома НКТ-ФАИ», Дуррути отправился к Дворцовой площади, чтобы поговорить с Гарсией Оливером, который, как мы знаем, устроился в здании Мореходного училища, резиденции Центрального комитета антифашистских милиций. Объём его работы был огромным, и ему едва удавалось поспать несколько часов в перерывах между собраниями. Сантильян признаёт физическую силу Гарсии Оливера, когда пишет, что на ночных заседаниях Центрального комитета антифашистских милиций все делегаты НКТ и ФАИ пришли к общему мнению оставить за Гарсией Оливером ответственность защищать на этом комитете позиции двух этих организаций, в силу того, что он был единственным, кто, несмотря на усталость, мог сохранять ясность ума и необъяснимую умственную энергию¹¹⁴. Гарсия Оливер принимал делегатов НКТ и ФАИ, которые приходили за разрешением военных вопросов в Центральный комитет антифашистских милиций, потому что никто из них не хотел доверить своё дело никому другому; все были уверены, что Гарсия Оливер обязательно сдержит данное слово. Гарсия Оливер взялся за организацию Военного училища, рекрутируя для этой цели профессиональных военных. Они должны были проводить среди делегатов центурий и группировок быстрый инструктаж о базовых понятиях военной тактики. В рамках Военного училища, организовали отдел партизанской борьбы, где он сам читал лекции молодёжи. Пользуясь поддержкой ряда авиаторов, он заложил основы Лётного училища, используя для учебных целей устаревшие самолёты базы в Прат-де-Льобрегат. Отправил эмиссаров во Францию, чтобы наладить контакты с производителями оружия для закупки их продукции, и в этой миссии участвовали Комитеты обороны рабочих кварталов и посёлков, которые передали в распоряжение Военного секретариата экспроприированные драгоценности. Обсудил с Эухенио Вальехо, активистом профсоюза металлургов, его немедленную задачу организации военной промышленности, включая в неё профсоюзы Химической отрасли и шахтёров Сальента, производителей калия, с целью получения пороха и взрывных устройств в кратчайшие сроки. Его деятельность

была многосторонней, так как от него также зависели военные операции на Арагонской линии фронта. И, наконец, нужно прибавить к этой обширнейшей деятельности приём иностранных деятелей и консулов, имевших коммерческие и промышленные интересы в Каталонии, которые, в силу коллективной экспроприации, оказались под контролем рабочих.

Когда Дуррути вошёл к Гарсии Оливеру, то едва узнал его. Революция позволила ему развить и претворить в жизнь его организаторские способности и одновременно преобразовала его. Это был другой человек. Он жил для революции. В углу его кабинета стояла раскладушка, на которой он иногда отдыхал, всего несколько минут. Его одежда и внешний вид выглядели заброшенными, несмотря на то что он обычно следил за собой.

— Ты изменился, — сказал Дуррути.

— Ты тоже, — ответил Гарсия. А затем добавил: — Кого не изменила революция? Не стоило совершать её, чтобы остаться прежними.

Оба умолкли, размышляя, прежде чем приступить к темам, которые необходимо было обсудить, как оба ранее планировали: взятие Сарагосы, проблема вооружения и боеприпасов, перестройка Военного комитета Арагона, проблема полковника Вильяльбы и др. Гарсия Оливер смотрел на Дуррути в ожидании его реакции на недобрую весть, которую должен был сообщить. Для него самого эта новость не была приятной, но капитан Байо переделал всё, и созданное им положение не могло быть изменено. Речь шла о десанте на Мальорке. Организация высадки требовала особого внимания и, естественно, наносила ущерб арагонскому фронту. Дуррути это сообщение покажется предательским ударом:

— Нужно отложить штурм Сарагосы. Во-первых, потому что даже колонны, действующие на участке «юг — Эбро» и Алькубиерре, не выполнили своих задач, а нужно было сделать это до фронтальной атаки. А во-вторых — потому что мы занимались организацией высадки на Мальорке. Эта операция крайне важна, и не только в силу её военных целей, но и потому, что вынудит Италию вмешаться с целью сохранить позиции, завоёванные на архипелаге Балеарских островов. Англия не сможет спокойно наблюдать за энергичными действиями Италии на Мальорке. Вмешательство Англии придаст новый аспект войны в Испании. Судьба испанской революции, — сказал в заключение Гарсия Оливер, — решается за пределами Испании. И мы должны не спускать глаз с Мальорки и Марокко.

Дуррути возразил, излагая своё видение этого проекта: французы и англичане могут прекрасно найти общий язык с итальянцами, избегая расширения конфликта. Также операция на Мальорке может потерпеть фиаско, в этом случае драгоценное время в Арагоне будет потеряно, и, без сомнения, враг сумеет воспользоваться этой передышкой и укрепиться на этой линии фронта, так как ему было хорошо известна важная роль Сарагосы для будущей войны. Если удастся восстановить связь с северной частью страны, война будет выиграна, так как все усилия будут сосредоточены против войск, высаживаемых Франко в Андалузии. Как только мы возьмём под контроль весь полуостров, то сможем противостоять любой блокаде международного капитализма.

Налицо были два тезиса. Один был связан с государственной стратегией и включал дипломатическую игру с целью столкновения интересов империалистических держав. С военно-стратегической точки зрения этот план имел рациональное зерно, однако основным его недостатком был тот факт, что упомянутая стратегия исходила не от республиканского правительства, а от революционных сил, и именно против этих сил выступала коалиция — как англичан и французов, так итальянцев и немцев. Второй тезис, предлагаемый Дуррути, был ближе к революционному реализму. Он был согласен с тем, что существовала блокада и борьба против капиталистического мира, однако, чтобы противостоять всему этому, необходимо было как можно скорее покончить с военными повстанцами на полуостровной территории Испании. Любое растягивание войны являлось прямой угрозой революционным завоеваниям, и существовала опасность преобразования революции в войну, и для этой цели необязательно нужно было идти на смерть. Вокруг этих двух идей будет сосредоточена трагедия революции и самого анархизма. С того момента революция оказывалась в подчинении войне.

Гарсия Оливер напомнил Дуррути, что настоящее положение дел являлось фатальным следствием решения, принятого НКТ и ФАИ 20 июля, то есть сотрудничества с буржуазной демократией.

— Так, — добавил он, — когда осталось Правительство Женералитат, и мы согласились на сотрудничество с политическими партиями, то отказались от революции. Что могло бы произойти, если бы мы заняли экстремальную позицию? Положение прояснилось бы. Тогда бы мы взяли всю ответственность на себя, и все проблемы разрешились бы другим способом. Мы не совершили бы ошибки Парижской коммуны и не изолировались бы в Барселоне, потому что наши планы уже предусматривали действия в двух регионах: Арагоне и Леванте, открывая путь на Андалузию... Но это решение было отклонено Пленумом. И была одобрена позиция коллаборационизма, что в будущем приведёт к гибели революции.

Как можно одержать победу над противником, снабжённым превосходной военной машиной и, кроме того, поддерживаемым Италией и Германией? В Каталонии не имелось сырья, необходимого для военной промышленности. Кроме того, она нуждалась в валюте для закупки необходимой военной техники. Золото, или государственный запас, хранилось в Банке Испании, в Мадриде. А в испанской столице 19 июля НКТ находилась в меньшинстве. В Мадриде основной силой являлась партия социалистов, и вскоре она нашла поддержку среди республиканцев и коммунистов. Так Мадрид принял решение сохранять власть республиканского правительства Хосе Хираля. Как при таких обстоятельствах завладеть золотом Банка Испании? Был только один выход: Ларго Кабальеро был недоволен деятельностью правительства Хираля и считал, что оно не предпринимало ничего для скорейшего триумфа народа. Ларго Кабальеро был секретарём ВСТ, и его престиж возрос, когда он пошёл на конфликт с Индалесио Прието — ярким сторонником поддержки Хосе Хираля. Единственным путём для прогресса революции был союз между НКТ и ВСТ, а также организация этими двумя силами Национального совета обороны, который бы взял на себя задачу руководить борьбой во всех сферах. Можно ли было убедить Ларго Кабальеро в том, что победа революции проходила через союз НКТ и ВСТ? В этом заключалась единственная надежда в те дни. Но Гарсия Оливер и Дуррути не вполне доверяли тому, что

социалдемократ Ларго Кабальеро приблизится к позиции пролетарской революции. Если Кабальеро когда-нибудь и задумывался над такой возможностью, то некто, уже прибывший в Испанию, поставил перед собой задачу воспрепятствовать осуществлению такого плана профсоюзного соглашения: Михаил Кольцов, исполняя поручение своего хозяина — Сталина, — сделает всё возможное и невозможное, чтобы оставить Ларго Кабальеро в его роли социал-демократа¹¹⁵.

Гарсия Оливер приходил к выводу, что при таком положении дел не оставалось ничего иного, кроме как следовать ходу событий и постараться контролировать их. Необходимо было продолжать работу в Центральном комитете антифашистских милиций, не оставлять руководящие посты, занимаемые НКТ и ФАИ, поддерживать Комитеты обороны и использовать вооружённые силы народа в качестве постоянной угрозы перед лицом возможной попытки восстановить старую власть. Также нужно было организовать экономику под контролем народа и создать вооружённую структуру в тылу, подчинённую профсоюзам. Но всему этому надо придать законный характер с позиций Центрального комитета антифашистских милиций. Другими словами, надо было вести революцию вперёд, но подпольным образом.

Дуррути показался забавным этот термин: получалось нечто вроде подпольного существования ФАИ во времена Республики, когда все вокруг знали её основных активистов. В конце концов, Гарсия Оливер, запутавшись в создавшихся обстоятельствах, защищал те же позиции, что и Мануэль Эскорса на Пленуме от 20 июля. Дуррути возразил, что теперь никто не мог бы никого обмануть. Когда рабочие экспроприируют капиталистическую собственность, когда стоит под угрозой иностранная собственность, когда общественный порядок находится под контролем трудящихся, когда милиции контролируются профсоюзами, когда на самом деле всё, что делается, является истинной революцией, как можно придать всему этому законные рамки и при этом сохранить породившую этот процесс силу?

— Чем больше мы будем узаконивать, — добавил он, — тем сильнее укрепим Правительство Женералитат, так как именно оно издаёт декреты и ставит печать. И чем сильнее будет Правительство Женералитат, тем более ослабнет Центральный комитет антифашистских милиций. Это будет означать, что НКТ укрепит правительство, и когда оно будет контролировать интегрированную экономику, мы пойдём прямо к своего рода государственному экономическому социализму.

Последний пункт об экономике, затронутый Дуррути, имел прямое отношение к созданию Экономического совета, в котором Сантьян от имени НКТ играл главенствующую роль. А этот экономический орган, в конечном счёте, включит в Каталонское государство все экономические сферы. Другими словами, открывался путь к государственному капитализму. Гарсия Оливер признал, что замечание Дуррути было справедливым и что он особо отмечал противоречие тезиса, защищаемого Сантьяном. Нужно было максимально противостоять победе концепции легализма в экономике. Тем не менее оба прекрасно видели ресурс вооружённого столкновения. Но для того, чтобы он был эффективным, нужно было сохранить в рабочих массах революционный пыл, противопоставляя эти массы действующей власти Центрального комитета антифашистских милиций и пассивной — со стороны

Женералитат. Это было нечто вроде революции в рамках самой революции. Но Дуррути не остался доволен таким неясным и противоречивым положением дел и считал, что вопрос непременно и прямо должен быть поставлен на ближайшем пленуме, объявленном НКТ в Каталонии. Оба товарища пришли к согласию, что на пленуме вновь нужно было поставить членов организации перед лицом их собственной ответственности. На этом региональном пленуме НКТ в первых числах августа 1936 года имелись причины для осознания двойственности положения: с одной стороны — правительство, которое не правит, и с другой — НКТ с каждым днём всё более погружается в революционный процесс, и, как следствие, реальное управление событиями. Гарсия Оливер и Дуррути прямо поставили вопрос: необходимо было выйти из этой двойственности и покончить с политикой политического коллаборационизма, которое дезориентировало революцию, поглощало энергию и не давало революции двигаться вперёд.

Фракция коллаборационистов, несмотря на негативные результаты этой теории и под предлогом, что раскол антифашистского фронта спровоцирует гражданскую войну между самими антифашистами, не изменила своей позиции. Драматический тон некоторых ораторов парализовал многих делегатов, и в результате не представилось возможным пересмотреть соглашения Пленума 20 июля. Было принято решение о революционном союзе с ВСТ и образовании Национального совета обороны, на чьи недостатки мы указали выше.

На пленуме набрал большинство голосов этот критерий, и в результате фракция экстремистов, оказавшаяся в меньшинстве, вновь оказывалась перед обязанностью «святой ответственности членов перед лицом принятых всеобщих резолюций». Имелся способ выйти из этого замкнутого круга путём нарушения «ответственности членов» и решения вопроса на улицах, против мнения самой организации. Но ни один из членов, включая Дуррути и Гарсию Оливера, не был способен на такое; во-первых, потому что для этого нужно было подготовиться и направить революцию так, чтобы её не смогла подавить контрреволюция; во-вторых, практика организации много значила для них и требовала уважать резолюции, принятые большинством. Кроме того, даже самые смелые не имели сведений о происходящем в других регионах Испании. В Каталонии была налицо уверенность в революционном действии благодаря влиянию в этой области НКТ и ФАИ. А что другие территории страны, особенно Мадрид? Тем не менее обе группировки — коллаборационисты и экстремисты — были уверены, что вооружённое столкновение в антифашистском лагере было неизбежным, и поэтому первые делали всё возможное, чтобы отдалить его.

Дуррути срочно вызвали в Бухаралос, и он незамедлительно выехал из Барселоны, но для него была ясна его линия: несмотря ни на что придерживаться своих идей, придать координированный характер Конфедеральным милициям с целью создания мощной вооруженной группировки и продолжать вести революцию вперёд.

Версия #1

Зверобой создал 20 июля 2025 06:52:00

Зверобой обновил 20 июля 2025 06:59:58